

Натиг РАСУЛЗАДЕ

Народный писатель Азербайджана

Сейчас тебе было бы шестьдесят, друг мой. Ты всего на два года был младше меня, и это не мешало нам дружить ни в двадцать, ни в тридцать, ни до твоей трагической гибели.

Ты писал стихи. Среди этих стихов были поистине прекрасные. Я до сих пор их помню, они врезались мне в память, как многие твои слова и поступки.

*Мое упорство - это точка.
Ну а выносливость - цепочка
Из этих точек, многоточьем
Все именуется короче.
А голос на одном дыханье
Зову я просто восклицанием.
Лишь запятые и вопросы
Мои поступки, смех и слезы.
И разумеется, кавычки
Предвосхитят, как встарь, привычки.
Добавлю прочего помимо,
Увы, на все богатства мира
Я этот клад не променяю,
Хотя прекрасно понимаю,
Что сей грамматики искусство
Еще не мысли и не чувства.*

Ты их читал мне. Наша дружба в последние годы общения достигла такой хрустально-чистой горной вершины, что мы позволяли себе издеваться друг над другом. Я порой грубо обрывал твоё чтение:

- Хватит! Башка трещит от твоих стишков! Бу-бу-бу!

- А от твоих рассказов повеситься хочется! - парировал ты.

Мы не обижались, мы никогда не обижались друг на друга, потому что знали: слова - это всего лишь слова, за любыми из них стоит наша настоящая, проверенная временем мужская дружба. Много раз, особенно в годы учёбы в Московском лингвистическом институте, мы вместе шли драться. Однажды войди, как всегда без стука (стучать надо, деревня! - крикнул я со злостью), ты увидел, как в задний карман джинсов я засунул каскету.

- Что? - спросил ты.

- Нормально. Иду бить морду.

Ты не спрашивал, хорошая это морда или плохая, сколько вообще там может ждать меня морд, ты молча шел со мной в самый башибузукский район Москвы Марьину рощу.

Мы хорошо дрались, друг мой. Это была славная охота!

Если б ты знал, сколько сейчас окружает меня звериных морд, которые хотят доказать, что меня нет на свете! Где ты, парнишка?

Мы никоогда не говорили друг другу каких-то ласковых, сентиментальных, теплых слов, почти никоогда - не помню такого - но не это было главным. Я всегда чувствовал тебя рядом, твою готовность прийти на выручку, твою суровую нежность.

Было время, друг мой, девчонки грозьями радости вспались на нас, много было разных ситуаций с ними, но ни разу не прошелестел между нами холодный ветерок затаспной обиды.

Было время - ты стал солнечно зарабатывать в Москве, но сам не стал солнечным, что меня, несолнечного, радовало, потому что в ином случае это положило бы конец нашей дружбе. Ты приходил ко мне, как всегда без предварительного звонка, вваливался, как месье ведь, готовый сорить деньгами, но мрачный твой друг порой, как ни удивительно, работал, увлечению стучал на машинке в те далёкие 70-80-е годы, и не открывал тебе. Вдоволь наговорившись с моей дверью, ты уходил, громко ругаясь.

Впоследствии, отредактировав напечатание, я вставил в свой рассказ "Брат".

Мы никогда не целовались при встречах и расставаниях, не помню такого. Не то что сегодняшняя молодежь, лобызающаяся на каждом углу к недоумению мужчин правильной ориентации.

Ты - один из моих друзей, которых с самого начала, с самых первых шагов в литературе поверили в меня.

Ты рано ушел из моей жизни, оставил зияющую пустоту в ней, зияющую рану в моем сердце.

Ты жил нараспашку. Как настоящий мужчина. В тебе не было ничего искусственного, напускного, ты был всегда самим собой.

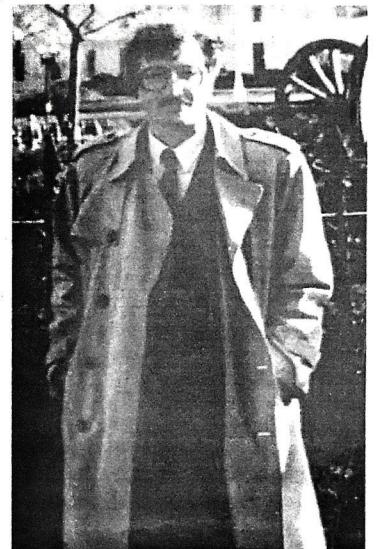
Ты, который переворачивал вверх дном огромную Москву своей кипучей деятельности и неумной энергии, сейчас покоишься на маленьком кладбище родной деревни Чичи в Губе.

Предавно видел тебя во сне. Ты сидел в темном кресле, почти сливаешься с темнотой незнакомой мне комнаты, и смотрел на меня.

ДРУГ МОЙ...

К 60-летию поэта

Тайра Асланлы

- Так тебе и надо, придурок! - оторвавшись от машинки, кричал я вслед тебе в открытое окно, - Говорил - не приходи без звонка, деревня Чичи!

- А! - живо откликнулся ты, - работась, да? Человеком стал?

- Да, - не совсем уверенно отвечал я.

- Ну и черт с тобой! Хотел взять тебя в ресторан, а теперь - шиш!

- Иди, или, Бог подаст.

Ты любил шиковать, производить впечатление. Что ж, мы ведь были так молоды!

Много лет назад мы с нашим другом Чингизом Абдуллаевым съездили в Индию. Приехали в Москву, в твой офис в гостинице "Украина". Ты встретил нас по-королевски, отдал два люкса, повозил на своем "мерседесе" по Москве по нашим делам, забросив и забыв свои.

Когда мы уезжали, ты отвел меня в сторону и сунул в карман мне аппетитно хрустнувшую пачечку.

- Ты что?! - стал я отталкивать твою руку, - У меня есть, есть...

- Тихо! Ша, парень! Не помешает... Индия - страна контрастов.

- Да пошел ты!

- Тебе того же!

- Что? - тихо спросил я, чтобы не спугнуть темноту, не спугнуть тишину.

Ты молча покачал головой.

- Прошлое сжигает мое сердце, - будто бы сказал я во сне, - но нельзя вернуть прошлое, ничего нельзя вернуть...

Теперь тебе шестьдесят. Но тебя нет рядом со мной, друг мой.

Я выпью за двоих. С юбилеем, дорогой.

Теперь я могу сказать тебе то, что никогда не говорил при жизни твоей, так же как и ты не говорил мне, такое не было принято между нами. И я хочу сказать про тебя словами шекспировского Гамлета:

- Из всех людей ты самый настоящий.